

Вырезка из газеты

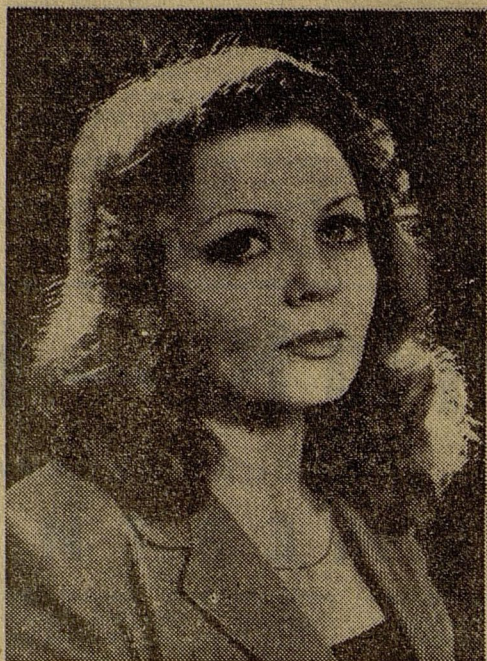
СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Ставрополь

10 ФЕВ 1985

«...СЕБЯ, КАК В ДРУГЕ, УЗНАЕМ»

Штрихи к портрету

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

...ПЯТЬ минут до выхода на сцену. Сегодня она играет служанку Дорину в знаменитом молюберовском «Тартюфе». Ковалец искусно причесана, нарядна, свежа. Стоит в боковой кулисе и рассказывает о... своей заболевшей собачке Бете. Но вдруг резкий поворот, фраза на полуслове прервана, и актриса, изящно подхватив кружевные юбки, уже на сцене. Это принцип: сцена — продолжение жизни. Такой выход Ковалец в характере самой Дорины. Актрисе вообще присуще чувство авторского стиля. Ее эмоциональные переключения мгновенны, юмор тонок и бесшабашен. Дерзкая с Тартюфом, лукавая с Оргоном, Дорина Людмилы Ковалец неутомима во всех ситуациях, где победить может только женщина.

В такую Дорину начинаешь верить с первой же минуты. Никакой фальши. Предельно чистая интонация. Удивительно в этой игре, пожалуй, то, как актриса выявляет себя в своих партнерах. Ее Дорину так страстно захватывает стихия происходящих вокруг Тартюфа событий, что она сама по себе просто не существует. Ее энергия настолько бескорытна, что начинаешь понимать, почему почтенное семейство добровольно отдаст себя в руки простой служанки.

И еще одно наблюдение. Неумному лицемерию Тартюфа Дорина Людмилы Ковалец противопоставляет столь же неумную способность радоваться. Ее Дорина не строит козни, не плетет сети, свой бой с Тартюфом она ведет, радуясь. В этом — природа ее души и смысл ее поступков. На первом спектакле столь «легкое дыхание» актрисы можно было бы отнести за счет премьерного вдохновения. Но вот приходишь, скажем, на 50-й спектакль и видишь, как по-прежнему раскованно и сочно работает Ковалец. И понимаешь, что подобное озарение неотъемлемо от профессионального тренинга и точного расчета. Тех качеств, без которых не может быть счастливых минут откровения.

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

КАКОЕ, однако, голубиное название — «Любовь и голуби». Словно про семнадцатилетних, но нет — Наде и Васе, героям комедии В. Гуркина, уже за сорок. Их жизнь проста, как дыхание — дом в сибирском по-

селке, хозяйство, еще не устроенные дети — вот и вся любовь. До нее ли?

Назначение на роль Нади оказалось небольшой неожиданностью, хотя внутренне к такой работе актриса готовила себя давно. Слишком велико и серьезно было ее желание сломить сложившийся стереотип ее прежних героинь — красивых девочек-женщин. И вот Нади, в которой, кажется, невозможно отыскать ни Беатриче, ни Дорину, ни шекспировскую Адриану. Это другой человек. По-шукшински земная деревенская женщина, шумная и прямодушная. В калошах, в сбившейся косынке, так и носится она по дому — сварить, накормить, за скотиной приглядеть. Неужели еще вчера она, Людмила Ковалец, была очаровательной, лукавой Дориной? А этот сибирский говорок, грозные покрякивания на детей?

Так обнаруживает себя прекрасная, эмоциональная память актрисы. Где и-когда она впитала в себя живые краски этого характера? А актриса предельно предана своей героине, солидарна с ней как женщина. Это и сообщает Наде в исполнении Ковалец силу неподдельной человечности.

ВЕЧЕР ТРЕТИЙ

«ТРУДНЫЙ зал» — почти профессиональный термин. О, если бы зрители знали, что это значит для театра! Трудный зал — это общение не на равных, это схватка, в которой один может покорить, победить сотни. Это — работа.

Закончился спектакль «Счастье мое». Аплодисменты в этот вечер казались совершенно искренними. Никто не торопился к выходу. И все-таки сегодня был трудный зал, — несобранный, неконтактный. Людмила в гримерной расплетает косички, всматривается в свое уставшее лицо, против воли мысленно «прокручивает» спектакль.

...1947 год. Суровая зима, неоплавленная школа. Здесь работает и «на глазах у всего коллектива» живет восемнадцатилетняя Виктория, пионервожатая мужской школы. И вот однажды... Нет, все пересказы банальны. Нужно погрузиться в атмосферу спектакля, услышать печальную и светлую музыку, грохотье полов, крытых железом. И увидеть Людмилу Ковалец!

Под ее ногами железо умолкает. С порывистостью бездом-

БОЛЬШИЕ темные глаза и копна золотистых волос. Однажды ее предали, но она этому не хотела поверить. И случилось страшное, чтобы остановить предательство она шагнула вниз из окна многоэтажного дома. И остановилась.

Беатриче, семнадцатилетней девочкой с бесстрашной душой, нет, но ее помнят те, кто в 1972 году увидел на сцене Ставропольского театра в спектакле по пьесе Ю. Грушаса «Любовь, джаз и черт» актрису Людмилу Ковалец. Тогда, в семьдесят втором, она впервые появилась перед ставропольскими зрителями, и с тех пор тема доброты и бесстрашия женской души звучит в ее творчестве.

Впрочем, за эти годы актрисой сыграно столько разных характеров, что едва ли удастся ровно очертить границы ее сценической темы. Тут и Пеппи Длинныйчулок, и Машка в «Эй, ты, здравствуй!», ставшие большими друзьями школьников. Тут — Катя в «Репетиторе», Нелли в «Жестоких играх», Кори в «Босиком по парку», Полинька в «Доходном месте», Рита в «Цилиндре», Адриана в «Комедии ошибок» и десятки других ролей, за каждой из которых были поиски и открытия.

Знаете, что поможет точнее очертить ее сценический облик? Давайте проведем три вечера с Людмилой Ковалец, посмотрим ее последние работы.

ного котенка прижимается Виктория к груди старого учителя Оскара Борисовича. (Виктория, надо знать, воспитывалась в детском доме). И все, к чему бы она ни прикасалась, начинает светиться, но в это веришь лишь потому, что светится сама актриса.

Викторию Людмилы Ковалец нельзя определить просто как неожиданный женский характер. Актриса играет обожженное войной время, взметнувшиеся надежды, нетерпение человеческого сердца. Светлая девочка и одновременно мудрая сильная женщина, Вика говорит своему не выдержавшему испытание другу: «Человек, Сеня, очень прочная вещь». И это убеждение актриса дарит «трудному» залу, который помогает ей победить Викторию.

КОГДА говорят «послевоенное поколение», это и о ней, Людмиле Ковалец. Отец ее погиб на фронте, и, как это бывает в юности, многое хотелось доказать себе и другим. Хорошо закончить школу, учиться в московском вузе, посвятить жизнь... ну, конечно же, театру и только театру.

Все это сбылось. Но лишь потому, что сразу, в начале жизненного пути, она поставила перед собой большие задачи, как ей тогда казалось, — на грани невозможного.

Бег театрального времени неумолим. Репетиции, сомнения, бессонные ночи. Премьеры, цветы и улыбки. Но иногда, хотя бы мысленно, хочется остановиться и понять, что в жизни было и что будет.

Кто выигрыш измерит наш?

И в чем

разлука наша с прошлыми

годами?

Ведь только то и остается

с нами,

в чем мы себя, как в друге,

узнаем.

Для актрисы в этих строках Рилье — и вопрос, и ответ.

У кого из артистов не бывает в жизни сложных минут, творческих сомнений, вопросов, обращенных к самому себе? Думается, в эти мгновения Людмиле Ковалец помогают лица зрителей. Их такие добрые, такие помолодевшие глаза. Они вселяют веру в себя, в людей. И в театр.

С. СОЛОДСКИХ.

Фото О. Хаимова.